

С закрытыми глазами, или Неповиновение

Михаэль Бабель

18+

Михаэль Бабель

С закрытыми глазами, или Неповиновение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48483002

SelfPub; 2020

Аннотация

В 1973 году Михаэль вырвался из СССР после опасной борьбы с властями за выезд. Впереди была земля предков и в чемодане первая книга "Мой Израиль". Но новая действительность оказалась похожей на оставленную. Израиль оказался копией СССР. Покушение, полиция, следователи, преследования, избиение, суд, камера предварительного заключения, угрозы и новые попытки покушения. Книги Михаэля довели его до жизни такой. Эта книга о жизни и любви, муках и слезах и снова о жизни и любви.

Работа художника Альберт Змора (Израиль) специально для этой книги.

Рассказ 1

Дежурный судья назначил суд на 15.9.2005.

На требование прокуратуры издать постановление о моём невыезде за границу, он улыбался и тянул долгое "нуу".

Умница, молодой, красавец, душка и прочее – чекисты выставили его для опровержения моих домыслов о государстве кэгэбэ – уважил мою просьбу не идти мне самому в «суд кэгэбэ». Это были мои слова, а протокол с этими словами – его, и обязал прокуратуру и полицию доставлять меня, а меня обязал быть дома двадцать четыре часа перед судом.

Но чекистское опровержение не состоялось.

За два дня до суда, в нарушение постановления дежурного судьи, появились у меня в квартире полицейские с новым постановлением: самому явиться в суд. Копию постановления обещают дать, а пока подписывай или мы забираем тебя до суда.

Подписываю. Дают мне копию бумаги с моей подписью. И из-за этого забываю про обещанную копию нового постановления.

А за день до суда звонит старший следователь из полиции на «Русском подворье»:

– Бабель, зайдите.

– Что вдруг?

– Есть вопросы к вам.

– Какие ещё вопросы? Завтра суд.

– Зайдите.

– Пришлите письмо.

– Это срочно.

– Нет и нет. – Прекращаю разговор.

Чувствую, что чекисты надули меня с новым постановлением.

Еду к дежурному судье. Оказывается, он в отпуске и будет через месяц.

Иду к Захаве, она печатает эти постановления. Говорит, что ничего нового по моей теме не печатала. Смотрит в компьютер и там ничего не находит. Я ей рассказываю, что были у меня полицейские с новым постановлением. Она шумит, что я к ней пристал. Посылает в полицию принести это постановление и показать ей.

Иду в полицию. А там объявляют, что я задержан – нарушил постановление о домашнем аресте на сутки до суда.

Снова: «сиди здесь», «стой там», «иди».

Прошу дать попить. Обещают, но не дают.

Прошу дать новое постановление. Не отвечают.

Два раза обыскивают. Пишут бумаги. Сменяются комнаты.

Приводят к старшему следователю, который звонил и звал зайти.

Вот и зашёл.

У него на столе моя книга «Суд». Листает моё дело.

Прошу дать попить. Обещает, но не даёт.

Прошу дать новое постановление. Не отвечает.

Оказывается, кроме всех прежних дел, на меня вешают ещё два: первое – угроза судье, что послал ей книгу, и второе – вышел из-под домашнего ареста.

– А кто решает, кому можно послать, а кому нельзя? – спрашиваю.

– Не мы решаем, – скромничает следователь и показывает головой на толстую чёрную книгу, единственную на полке.

– Всё это уже было в другом кэгэбэ, – говорю я следователю. – Он обвалился через семьдесят лет. И этот обвалится через семьдесят лет.

– Это кто обвалился и когда? – вмешивается другой полицейский.

Он тоже был в комнате, но до этого молчал. Он русскоговорящий и как-то раз бахвалился, что по моему делу знает всё. В любом месте полицейского отделения, где оказываюсь я, появляется он, как бы невзначай. При подаче жалобы, что били стёкла в моей квартире, он тоже появился. Делать ничего не делает, маячит. «Ведёт» мою тему.

– В 1988 году обвалилась, – переключаюсь на него.

– В 1988 году никто не обвалился, Горбачёв был на своём месте, – опровергает меня защитник того и этого кэгэбэ.

– Но "процесс уже пошёл", – цитирую ему Горбачёва.

Старший следователь просит русскоговорящего замолчать.

Он передаёт меня с папкой по моему делу и с моей книгой следователю в другую комнату.

И этот... в кипе?

Прошу дать попить. Обещает, но не даёт.

Прошу дать новое постановление. Не отвечает.

Листает досье.

Нет, так не пойдёт. Придётся дать совет чекистам – подавать стакан воды. Но лучше чай с пакетиком сахара, чтобы без ненужного вопроса: вам с сахаром или без? Только пусть чекисты не подумают, что это делают для меня, ради предотвращения обвала. Обвал не от меня зависит, правда, я его приход ускоряю.

Пытаюсь вспомнить одного человека. Он подал мне стакан воды, а я не просил, но, чтобы не обидеть, взял. А он говорит: «Мама меня научила подавать стакан воды. Это единственное, что осталось у меня от еврейства». Как жаль, что не могу вспомнить.

– Значит, угрожаете судье, – начинает следователь, ехидно улыбаясь.

Острый нос, острое лицо, острые глаза – полная противоположность начальству с плоским круглым лицом, плоским носом, плоскими глазами.

Найдёт ли специалист общие внешние черты людей этой профессии в тоталитарных режимах?

– А что, нельзя посылать книги? – спрашиваю.

– Нельзя, – отвечает следователь и набирает наш разговор в компьютер.

– И в кнессет народным избранникам нельзя? – удивляюсь я.

– А зачем тебе это? – смотрит на меня.

Он меняет тему. Но культурный человек сначала заканчивает предыдущую.

– Но я послал книгу всем верхам этого кэгэбэ, – возмущаюсь я его ложью. – Я угрожаю многим. Я угрожаю всему кэгэбэ.

– Какая это угроза? – наостряется он весь.

– Будет обвал в 2018 году. Хафец Хаим дал семьдесят лет тем большевикам. Они и обвалились. И эти большевики обвалятся через семьдесят лет.

– А что будет? – вопрос его звучит натурально, видно побаивается.

Что будет? – я не знаю, я не пророк.

– А будет еврейское государство, – говорю, потому что так мне хочется.

Это его успокаивает. Знает про настоящих евреев, что они не мстительны.

Следователь делает распечатку беседы, даёт подписать.

Старший следователь ведёт меня для сдачи в предварительное заключение с вонючими одеялами. Его бы на дежёрку завернуть в провонявшие мочой, затоптанные одеяла.

Неужели нельзя выдавать это солдатское одеяло постиранным?

Перед дверью в предварилку говорю ему, что они помогают мне писать новую книгу. Он что-то хмыкает в ответ.

В предбаннике он оформляет передачу меня в заключение. А я стою на приличном расстоянии от него, где мне велел стоять уже другой приказатель.

Как всегда, занялся своими мыслями. Но вдруг вспомнил, быстренько подошёл к старшему следователю записать его личный номер на полосочке, висящей у плеча, но не нашёл полосочку, а он показал на серебристую пластинку на груди – для его важной должности без номера у плеча, а с именем на груди. Записал и вернулся, где приказано стоять.

И снова за свои мысли. Но вдруг чувствую, что ко мне обращаются. Ищу – кто? Издалека старший следователь громко прощается со мной. Какая честь для меня в предбаннике, полном чекистов! В знак признательности наклонил голову. Он улыбнулся.

Не простил себя сразу, но прощу, потому что, в отличие от того кэгэбэ и от здешнего русского чекиста, мы с ним знаем, что мы – евреи.

Повторяется долгое и нудное оформление задержания. Снова обыск, запись отбираемых на хранение денег, документов, мобильного телефона, ключей. Снова матрас и одеяла. Снова гремят замки.

Та же камера, но лица новые, взрослые парни и один по-

жилой. Один парень лезет наверх освободить мне место, другой забрасывает туда мой матрас.

Парень, голый по пояс и в модных штанах до колен, держит бутылку минеральной и разовый стаканчик. Улыбается дружески и говорит:

– Ты у меня будешь пить, пока весь не наполнишься водой.

Слёзы потекли во мне по всем чутким каналам, а на лице благодарная улыбка. Я забыл, что хочу пить. А откуда он знает?

Присаживаюсь пить, решил, что второй стакан наливать не буду – ведь минеральная, обойдусь водой из крана, поэтому медленно пью, а парень с бутылкой отходит к играющим в карты. Отвечаю на первый обязательный вопрос «за что?»: за кэгэбэ. Встречают ответ с пониманием, хихикают, смакуют слово «кэгэбэ», объясняют одному из них непонятливому.

Снова забыв о желании пить, лезу на койку поспать. Прсыпаюсь иссушенный.

Карты кончились. Парни внимательно слушают пожилого, который читает по несколько слов в мудрой книге и поясняет прочитанное.

Очень хочу пить. Только слез, как пожилой отрывается от книги и спрашивает, хочу ли сладенькой, холодненькой. Очень хочу, говорю правду. Один из парней достаёт бутылку с красным напитком из ведра, в нём еще несколько бу-

тылок, а между ними ледяные шарики, и всё накрыто одеялами. Другой парень даёт большую пластмассовую кружку, которую наполняют доверху. Присаживаюсь пить на край свободной постели. Первый глоток останется в моей памяти вместе с добрыми лицами наблюдателей. Пока пью, висит надо мной бутылка, готовая излиться, радует и утешает. Подставляю опорожненную кружку. Парень наливает до края, пустую бутылку ставит к стене. Пью медленно, прикидываю, сколько ещё кружек выпью. Начинаю прислушиваться к уроку, а пустую кружку держу. Один парень, чтобы не мешать уроку, приглушённо спрашивает, хочу ли сладкие печенья. И я, чтобы не мешать уроку, чуть запрокинув голову назад, опрокидываю пустую кружку в рот. И сразу парень, который ближе к ведру, снимает с него одеяла и даёт мне полную бутылку.

Потом была вечерняя молитва. Все одиннадцать, что были в камере, встали на молитву. Кто был в кипе – в кипе, кто без кипы – надели кипу, три кипы сделали из газеты.

Потом пели допоздна.

Я пошёл спать первым – завтра утром суд.

А перед сном пошёл за перегородочку побрызгать. Нехитрое устройство – дырка в полу и два следа ног. Потом смотрю на ручки кранов – не как дома. А думаю своё. Повернул верхнюю. И тихо хихикнул. Оказалось, там, где стоишь и брызгаешь, там и душ. Тогда повернул нижнюю – шумно зажурчала вода в дырке. Не слышно, что в камере. Тихо хи-

хикал и вытирал бумагой лицо и голову. Люблю посмеяться над собой, иногда до упаду. Вытер глаза от слез. Потом вышел. Все сидят притихшие.

Один парень спрашивает сочувственно:

– Плакал?

– Нет, – говорю, – открыл верхний кран.

Было только мгновение перед взрывом смеха, которого эта тюрьма никогда не слышала.

Дольше всех смеялся я.

Твой ход, товарищ кэгэбэ.

Рассказ 2

Вертухай привёл меня и усадил на лавке у входа напротив судьи. По прямой линии между нами стоял здоровяк, на случай моего нападения на судью. Другой здоровяк стоял у двери – не дать мне уйти после нападения. На столе у прокуроров увидел мою книгу «Суд».

В комнате, кроме судьи и здоровяков, ещё девять мужчин и женщин со стороны кэгэбэ, все в белых рубашках. Не слабо.

Я закрыл глаза.

Немногочисленных пришедших меня поддержать не впустили, сидят в коридоре напротив двери, бродят по зданию в поисках меня. Среди них один чекист, он стоял «свидетелем», когда ногами били меня по яйцам возле кнессета.

Тщетно ожидал – я не ответил. Рассказывают, он обижен на меня, что описал его.

Остальные чекисты тоже будут играть роль обиженных? А что чекистскому руководству делать с описанными чекистами? Скрыть в далёкой Австралии? Не слишком ли накладно – этакая орава!

Если так пойдёт дальше, то чекисты ещё будут носить мне передачи. И укоризненно качать пальцем: ша-лишь, баловник!

Не отвертись, товарищ кэгэбэ. Не состряпать на меня ещё одно обвинение? О клевете на хороших людей. Да ещё иск на пару миллиончиков.

А вместе с чекистом пришёл один мудака, для объективности, мол, и таким недостойным, вроде меня, надо помогать. Это для него «причесал» такую мысль: *Его предупредили, что общается со стукачом, но он продолжал, чтобы не быть на подозрении у тайной полиции.*

Я ещё расшевелю его к показаниям против меня, для объективности, мол, таким недостойным, вроде меня, причитается.

А для всех мудаков причесал такую мысль: *Не говори, что не был мудаком там, если уже дважды мудака здесь.*

А для не русскоговорящих мудаков причесал такую: *Скажи мне, кто твой мудака, и я скажу, кто ты.*

Судья говорила издалека, прокурорша говорила в противоположную от меня сторону, говорили очень интеллигент-

но, тихо. Я их не слышал и не хотел слышать. Но вопрос судьи ко мне услышал: «Вы Михаэль Бабель?» Я молчал с закрытыми глазами. Потом услышал ещё вопрос: «У вас есть адвокат?»

Наверное, уснул. Чувствую, меня тянут за руку. Тянуть мог только мой вертухай. Шепчет мне радостно, что сегодняшнее дело оказалось пустым.

Не раз было со мной и от других слышал, что вертухаи под грохот замков и дверей говорят тихо: «Мы вас любим». От страха за свою вертухайскую жизнь? Но говорят так только те, у кого еврейские глаза.

Вертухай ведёт в отдел, где требуется моя подпись о явке в суд, назначенный через месяц, и о гарантии в тысячу пятьсот шекелей. Крысоподобная швыряет мне бумагу на подпись. Я читаю и подумываю, но она уже кричит: «Ты подписываешь или нет?» И тянет руки забрать бумагу. Она спешит загнать меня на месяц в заключение до суда. Её крысиные глазки полны желания рвать меня крысиным ртом. «Ну!» – кричит она. И я подписываю.

Получаю протокол суда. Не заглянув в бумаги, засовываю их в карман.

Долгая процедура выхода.

Прошу дать новое постановление, то самое. Отвечают, что оно у прокурора.

Первое ощущение после отсидки дня или года – одно: идёшь арестантом среди людей. Я ещё не как все – подальше

от них, в конец автобуса.

Так какой ход записал товарищ кэгэбэ?

Стиль и грамматика на совести суда. Хотел продолжить: «а враньё на совести кэгэбэшных прокуроров». Смешно стало.

Протокол

Прокуратура: <...> судья решил, что обвиняемый будет приведён по постановлению о приводе 24 часа перед заседанием. <...> обвиняемый не был готов внести любую сумму денег, которые будут гарантировать его явку, и тоже осветил, что он не готов прибыть в суд сам, а только в сопровождении полиции. <...> Я предлагаю суду тетрадь, которая написана обвиняемым, и жалобу охраны суда, не избежать назначения общественного защитника обвиняемому, говорится о проступке, который налицо, не обязывает классификации защитника, и также послать обвиняемого, на проверку у районного психиатра, я попрошу, чтобы суд осветил обвиняемому последствия неявки в суд.

Суд: Суд объясняет обвиняемому его обязанность прибыть в суд на заседания, и если не придёт сам, не будет выхода, как задержать его и доставить с помощью полиции.

Обвиняемый сидит и его глаза закрыты и не реагирует.

Постановление: В свете вышесказанных обстоятельств, общественной защите назначить защитника обвиняемому. На этой стадии, так как состояние обвиняемого неизвестно, и видно, что он не намерен участвовать в психиатрической

проверке, я не указываю на эту проверку. Вопрос способности обвиняемого быть судимым, вторично поднимется после назначения ему защитника. Заседание откладывается на 9.10.05. в 10.00.

Суд: Разъяснено обвиняемому в дополнительный раз, что ему явиться на заседание.

Обвиняемый не реагирует на вопрос суда, есть ли у него что-нибудь сказать по вопросу условий его освобождения от ареста.

Постановление: Обвиняемый будет освобождён от ареста, за подписью о собственной гарантии в 1500 шекелей, и обязательстве явиться на следующее заседание. Дано сегодня 15.9.2005 в присутствии сторон. *Судья <>.*

(Так!)

Отдел государственного контролёра в ответ на мою жалобу, что «шьют» мне дела, известил, что обсудит жалобу с теми, на кого жалуюсь. Только прежде я должен составить письмо по-другому, потом оказалось, должен дослать ещё какую-то бумагу, потом выяснилось, должен сообщить ещё какой-то номер. А время идёт и идёт. Я жду и жду. Наконец, звоню:

– Моё последнее письмо получили?

– Да, да, – как-то рассеянно отвечает женщина.

– А почему не извещаете о получении? – немножко возмущаюсь я.

Растерянно что-то мямлит и говорит:

– Обязательно пришлём.

И присылают ответ: так как уже есть обвинение, госконтролёр не может в это дело вмешиваться.

Согласованность полная в кэгэбэ.

А люди знают то, что нужно знать.

Один из них знает, что я угрожал оружием, и теперь ему понятно, что было покушение на меня. Он немолод, держится солидно, говорит вполголоса и его не повышает, возглавляет конференции, еженедельники, присуждение художественных премий, визиты за границу. Мелкоте я не позволил бы, но такому!

Поздравил его с Новым годом и сказал:

– Я веду расследование по моему делу, а вы знаете обо мне то, чего даже я не знаю, – угроза оружием.

– Я этого не говорил, – ответил он в своей приятной манере, – о несдаче оружия сказал.

– А кто вам это сказал?

– Не помню, – резко и несолидно отрезал он.

– Но разве можно говорить то, чего не знаете? – задал риторический вопрос излишне горячо не потому, что это коснулось меня.

Огорчает, когда о человеке, заведомо думают не хорошее, а о государстве – хорошее. В кэгэбэ государство – идол. Мнение гомососной общественности в кэгэбэ: покушение – это разборки между нехорошими людьми.

Я не ждал ответа.

– Всего хорошего, – сказал я вежливо.

– Всего хорошего, – сказал он вежливо...

Прочёл мои книги тихий человек, которому грустно, что творится в государстве, и при встрече честно сказал:

– Просто не верится, – он искал слова, но не искал моих глаз, – чтобы ни за что? Но ведь что-то было?

– Как же! – отвечаю с сожалением за милейшего человека – угрозы полицейским, прокурорам, гражданам.

– Были угрозы? – спросил он как бы невзначай.

– Конечно, нет! – я рассмеялся не вполне естественно.

А он грустно улыбнулся...

Я решил больше так не отвечать, ведь человек всё равно останется при своём, если подумал такое даже после прочитанного.

И только так решил, как тут же звонит один из крайних справа, заслуженный человек. Давно знал его мнение, что здесь не кэгэбэ, а что-то другое нехорошее, но что здесь не убивают. Поговорили вокруг да около меня, и когда в разговоре дошло до заветного «за что», я ответил: «Морду хотел набить одному». Он помолчал, оценивая серьёзность преступления и свою позицию относительно меня. А я подумал о том, что он подумал...

Другой крайне правый, тоже заслуженный человек, которого кэгэбэ даже охраняет, чтобы он долго жил и всегда оставался крайне правым, чтобы никто не вылезал правее его, узнал от меня о покушении, возмутился ласково: «Да кто

ты такой?! Кому ты нужен?!» Возмутился, что кто-то хочет незаслуженно оказаться правее его.

А я не виноват – покушаются не на меня, а на моё писательство, до которого мне ещё расти и расти.

Суд – это один из инструментов в арсенале кэгэбэ от убийства до оболванивания.

В кэгэбэ открытие суда говорит всем: это не писатель, а нехороший человек.

Сфера оболванивания кэгэбэ расширилась до космоса, из которого чекисты-космонавты ещё до кэгэбэшного суда разъясняют, что место писаки в психушке.

В том кэгэбэ была похвала "хороший человек".

Хорошие хотели быть хорошими. Многие были готовы умереть, покончить с собой, лишь бы не попасть в нехорошие.

Но уничтожалось еврейство, и у евреев появились тоже нееврейские идеалы быть хорошим человеком.

И я написал рассказ «Я буду хорошим человеком».

Я окончил школу, и папа сказал:

– Кем ты ни станешь, главное – быть хорошим человеком!

– Хорошо, – сказал я.

– Так кем ты хочешь стать?

– Хорошим человеком.

– Молодец! А всё-таки?

– Что «всё-таки»?

— Кем ты всё-таки хочешь стать?

— Хорошим человеком.

— Но как?

— Как все.

— А-а, хочешь дальше учиться?

— Конечно.

— На кого?

— На хорошего человека.

— Но такого нет института... и этому не учат...

— Не учат?

— Нет, учат, учат, конечно, но не в этом дело.

— Не в этом? Ты же сам сказал: главное — быть хорошим человеком!

И ещё столько и полстолька для последних страниц молодёжного журнала, предназначенных для юмора.

Но кэгэбэ требовал, чтобы человек был гомососом, а не каким-то там хорошим. Рассказ зарубили.

В этом кэгэбэ тысячи были отторгнуты от большевистской кормушки или от кибуцной столовки. Ещё тысячи не хотели пробовать ни от кормушки, ни от столовки. И попадали в «нехорошие».

В кэгэбэ, чтобы быть хорошим, надо быть нехорошим.

Я буду нехорошим человеком.

Твой ход, товарищ кэгэбэ.

Хороший актёр играет для одного зрителя. Хороший писатель пишет для узкого круга знатоков. Для широкого круга есть детективы и газеты, в которых что ни строчка – то детектив.

Но как быть хорошим писателем бывшему троечнику с плюсом за сочинения в советской школе?!

Одна надежда на Любимую, которая стоит надо мной, которому надо заниматься домом, а не ненужными книжками.

– Ты когда будешь мыть окна? – грозно спрашивает.

Она не знает, что больше некому быть хорошим писателем. Ну, был бы хоть какой-нибудь завалящий. А ведь нет. Или я – или никто. У меня просто нет другого варианта, как быть хорошим писателем.

Сегодня день суда. Я сижу в полном неведении даже о следующей минуте. Только что позвонила адвокатша из конторы, которой суд поручил и так далее. И в услугах которой, как известно суду, я не нуждаюсь и так далее. Рассказала, что судья постановила задержать меня до дня суда.

Несколькими днями раньше она позвонила, что им поручено меня защищать. Я, как можно вежливее, отказался от помощи. Через день позвонила вторично и разговор повторился. И вот опять звонит.

Я не обижаю людей и ответил:

– Значит, буду сидеть до дня суда. В кэгэбэ всё одно, что дома, что в тюрьме.

– Зачем это тебе? – с сожалением спросила.

– Чем больше будет таких ходов в этой партии, тем больше будет видно, что это суд кэгэбэ. Я доказываю, что это кэгэбэ, – объяснил я.

– Ну, зачем кэгэбэ? – она подчеркнула это слово лёгким недовольством.

– Да, да, кэгэбэ. Я это описал в моих книгах. И покушение на меня, и преследования, и этот суд кэгэбэ.

– А где это можно прочесть? – она сразу уцепилась за какую-то возможность.

– На моём сайте в интернете, – ответил, – на трёх языках. Эта похвальба была явным приглашением «зайти». А говорил ведь, что в их помощи не нуждаешься! Не нуждаешься – так молчи. Но почему от неё скрыть, а на весь космос рассказывать?

В кэгэбэ не только суд, но и защита кэгэбэшная. Разыграют представление без моего участия. Защите для её маленькой роли подскажут несколько слов из суфлёрской будки. А я дал на большую роль. В надежде валяться на вонючих одеялах не месяц, а только день.

Читатели меня не балуют, а уж на иврите – тем более. Но вечером, посмотрев статистику за день, обнаружил необычный читательский интерес на иврите.

Значит, «зашла».

Вот я и сообщил Любимой новость о задержании на месяц.

А она возмутилась:

– И окна будут немыты ещё месяц?

Твой ход, товарищ кэгэбэ.

Рассказ 4

И начал собирать вещи в большой мешок от рыночных покупок. Нижнее тёплое бельё – будет холодать; брюки – которые не жаль; набор цигит – будет время починить старые и сделать новые. Собираю мешок на видном месте в салоне, вспоминаю, что нужно, и докладываю.

А Любимая смотрит на мои сборы.

– Нет, – говорит, – я пойду и им скажу...

– Только попробуй! – оставляю суровое завещание: – Что-бы ни одного слова! И детям скажу: ни одного слова! А внуков поцелую.

– Ты это серьёзно? – спрашивает испуганно. И похорошела в испуге.

А у меня созревает план:

– Если сегодня нагрянут, то лучше уже сейчас идти спать и дверь не открывать.

Согласно кивает...

Утром чищу зубы, пасту и щетку возвращаю в мешок. Вернулся с молитвы – всё возвращаю в мешок. Но если возьмут на улице, в дом не дадут зайти – пропали усилия со сборами.

А осенние праздники в самом разгаре. Интересно, какую сукку́ предложит тюрьма? И чтобы решёточки не было до самого неба!

Праздники отняли много сил. Начал отсыпаться. Иногда даже забываю вернуть в мешок вынутое.

За пять дней до суда звонит адвокатша. Снова предлагает помощь её конторы, даже говорит неслыханное, что она меня поддерживает. Из-за этого долго извиняюсь, чтобы не обидеть.

– Ты помнишь, что шестого числа суд? – спрашивает она после того, как выяснили отношения, что нет никаких отношений.

– Помню, – говорю, – могут меня брать. Но я молчу с закрытыми глазами и не отвечаю.

– А ты знаешь, что будет, если не отвечаешь? – но мягко так говорит.

– Я знаю, о чём ты, – отвечаю, – что дома лучше, чем в тюрьме и так далее. Мне всё равно.

Распрощались дружески.

В кэгэбэ всё кэгэбэ.

Смотрю на подзабытый мешок на видном месте в салоне. Любимая рядом со мной с понурой головой.

Оцениваю ситуацию:

– В любой момент могут нагрять. Надо захватить что-то, чтобы положить там на матрас и что-то как пододеяльник.

– Тебе с резиночками загибать под матрас? – спрашивает

испуганно. И помолодела в испуге.

А у меня созревает план:

– Если сегодня нагрянут, то лучше уже сейчас идти спать и дверь не открывать.

Согласно кивает...

Друзья передавали мне, что чекисты там высоко ценили мои скромные способности.

И с ехидной улыбкой отправили хороший подарочек своим подельникам здесь.

Твой ход, товарищ кэгэбэ.

Рассказ 5

Чекисты нагрянули ночью, накануне суда, в 23:35. Я не ложился, обычно работаю допоздна. Все окна были прикрыты трисами, свет горел слабый, обычное для позднего часа. Тишина в подъезде и во дворе. Сначала звонок, потом удар в дверь.

Ждал их, но в столь поздний час?

Мой дом – моя крепость. Такое понятие не для кэгэбэ.

Потом двойной звонок и двойной удар, потом длинный звонок и множество ударов, потом сплошной звонок и удары рукояткой пистолета по двери.

Дверь не открывать – оказалось не просто. За жену не тревожился, она спит без слухового аппарата. Дочь вышла из своей комнаты на цыпочках. В грохоте по двери, передала

мне свою радость: пальцем к уху и на мамину дверь, что мама спит без слухового аппарата. Порадовала меня – теперь не тревожился и за дочь.

За дверь не переживал – голым останусь, только бы видеть кэгэбэ в гробу.

Когда чекисты украли пистолет, обратился в суд и пришлось довольствоваться решением кэгэбэшного суда: продадут пистолет и вернут деньги. Пистолет не продали – он ещё будет вещественным доказательством, что угрожающе выпирал из-под пиджака. Деньги не вернули.

И за дверь деньги не вернут, а будет доказательством оказанного сопротивления.

Звонка не было слышно среди грохота в дверь. Заглянул к дочери, она сидела на кровати, улыбалась мне и бесшумно аплодировала. Я любовался моей праведницей. Куда мне до неё!

Вышла, шатаясь, Любимая, на неё было тяжело смотреть. Спросила: «Ты сказал им, что я больна?» Она говорила громко, не слышала себя. Показал рукой на рот – молчать, потому что грохот прекратился.

За дверью кричали: «Бабель! Бабель! Твоя бронированная дверь кончилась! Сейчас привезём прибор для вскрытия дверей!»

В это время на нашу стоянку подъехал сын с семьёй после субботы, проведённой у родителей жены. Увидел полицейскую машину и быстренько с маленькими детьми и женой не

к себе домой, а к нашему дому, встали в тенёчке.

Вышли полицейские с одним из соседей. Сказали ему показать наши окна. Показал. Спросили, есть ли решётки на окнах. Ответил что-то. Посветили фонарём. И уехали. Было 23:55.

Во всём доме тихо и спокойно.

И какой это нехороший человек сказал, что тут кэгэбэ?

Твой ход, товарищ кэгэбэ.

6.11.2005

Разослал по адресам кэгэбэ.

Рассказ 6

Возле почтовых ящиков на почте, после того как разослал всему кэгэбэ последнюю книгу «Суд», столкнулся с «правозащитником», знакомым по тому кэгэбэ. По сдержанности, с которой он доверительно поведал новость, выглядывая налево и направо и не очень задерживаясь, я должен был понять, что это потрясательно – приезжает знаменитый дальневосточный узник совести.

Я не расспрашиваю, чтобы своей серостью не обидеть международное правозащитное движение, которое в государстве он представляет. В моих глазах два вопросительных знака, и он доволен произведённым эффектом. Но мои вопросы о другом: спросить ли номер его почтового ящика?

Давно это было, в том кэгэбэ отказники собрались неболь-

шими группами по своим квартирам затеять массовую голодовку. По этой теме я заскочил к нему, а он показал своё отношение к голодовке: запустил руку в содержимое какого-то блюда на столе и забросил в поднятый кверху рот. «Пусть голодают они!» – он показал пальцем в потолок.

А я ради нескольких этих строк решил взять номер его почтового ящика. И послал «Покушение» и «Суд». А вот начало этой книги, тоже разосланное всему кэгэбэ, уже не послал «правозащитнику» в двух кэгэбэ.

Правозащитным организациям из телефонной книги, которым давным-давно пожаловался о покушении и преследовании за книги и так далее, им тоже не послал.

После ночного вламывания чекистов в мою квартиру и неявки в суд большое гистадрутовское предприятие дало заказ на три недели работы. С моими потребностями этого хватит на три месяца.

Но когда заберут? Из-за этого вопроса, первым делом, разослал начало этой книги – пусть увидит свет. А с работой – как получится. Работал по десять-пятнадцать часов, чтобы закончить быстрее. Но если заберут, а работа не закончена, тогда ведь обнаружится, какой я гад, – гистадрут с такими не работает. Плакали три обеспеченных месяца. Да и заказчик уплыл. Был уже опыт...

Сохнутовское поселение, которое начали две семьи и несколько одиночек, разрасталось, и чем больше в нём становилось ближних своих, тем труднее было их любить, – вот

такое сохнутовско-советское поселение. Я оказался больше всех «не свой». По крайней мере, выглядело так, потому что никто не видел результатов тайного голосования, устроенного Сохнутом для чистки своих рядов. Но турнули меня.

Какое это счастье не приходится ни к какому скотскому двору! А Любимая плакала, слушая товарищеские объяснения руководителей поселенческого движения, которые с понурыми головами сидели с нами в нашем «караване». Чтобы никакой обиды не осталось между нами. Так требует партия! – мы это уже проходили в другом кэгэбэ.

Мне пришлось оставить не нормальное сохнутовское поселенчество и вернуться к городской жизни, не более нормальной. А Любимая вскоре даже расцвела в нашей маленькой квартире, после того как вяла в той большой коммуналке.

Сохнутовские предприятия сразу же отказались от моих услуг. А гистадрутовские – что сохнутовские. У этих большевиков всегда были расстрельные списки, с кем не работать. На заре их деятельности это означало для многих смерть от голода. Или бегство отсюда.

В мою память намертво вписан американский поселенец с бородой, не старый, с винтовкой наполеоновских времён, с которой он легко управляется одной рукой, держа палец на спусковом крючке. Поселенец стоит на крыше хибары, в ночном темном небе, в свете луны. Этот поселенец не даст перейти красную черту, которую определяет он сам. И кто

не видит его глаз и попробует перейти, – получит пулю по заказу в любую точку тела. А в глазах – это его земля, земля его детей.

Не сохнутовско-гистадрутовская. Которую можно дать или не дать. Или отобрать. Или отдать чужим.

Один замечательный человек привёз две семьи и несколько одиночек на место намеченного поселения. Он был из группы бунтарей, которые после войны Судного дня поднялись на поселенчество. Мы, салаги, преданно и влюблённо слушали его. А он рассказывал о месте, в котором воевал, но вдруг задохнулся, закрыл глаза, сморщился от боли за погибших здесь друзей. Мы смотрели вокруг, чтобы не видеть его слёз: камни иудейской пустыни – внизу, много неба – сверху.

Его и ещё кого-то из руководства поселенческим движением усадили в кресла. Это тоже была рука кэгэбэ – убрать их бунтарство. Его – в городское управление. Там и встретились после многих лет. Мне не мешало, что он был среди тех, которые сидели у меня с понурой головой, когда меня турнули. Я обрадовался встрече. Спросили друг друга за жизнь. Он рассказал своё главное. Я рассказал своё главное, что пишу и действую против русской партии, против завоза гоим. Он огорчился: «Неужели нельзя писать что-то позитивное?»

Ужаленный, я постарался немедленно распрощаться. Уходил, потеряв замечательного человека. Только о потере думал.

И замечательный человек может быть гомососом.

Позднее, когда боль потери приутихла, спел себе позитивное, которое распевали в другом кэгэбэ: «Широка страна моя родная. Много в ней лесов, полей и рек. Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек». Пел весь день. В автобусе – про себя, и на моё бормотание и хихиканье косились. Дома – под хохот своих. Наслаждался словами, мелодией. Менял голос и так и сяк. На меня уже кричали, а я пел...

Спешность, с которой работал для гистадрута, подхлестнула ещё адвокатша из конторы, в услугах которой я не нуждаюсь. Им тоже послал начало этой книги, они не хуже других, всем – так всем. Она сказала, что судья постановила задержать меня до окончания суда. Я согласился с этой неприятной участью. Спросила, почему не являюсь на суд. Ответил, что прокурор, судья и защитник, в своём семейном кругу, могут всё решить без моего участия. Даже увидел её улыбку по поводу их семьи. Она спросила, почему я не забочусь о себе, и повторила, что могла бы помочь. Я ответил, что Всевышний заботится обо всех нас. У неё произошла заминка, потому что не было предварительной заготовки на Его счёт. Потом она сказала, что слышала, что моей жене плохо. В её конторе ей дали прочесть разосланное начало этой книги, где упоминается о здоровье жены. Но я не возражал против её манеры играть, что она слышала, и подтвердил, что жене плохо.

Здесь я заслуживаю обвинение, что апеллирую к гуманно-

му израильскому суду, который и так далее. Но предпочитаю любые обвинения, но не искажать происходящее. И вообще, жена хотела пойти и сказать им и просила меня сказать им. Я не за правду, которую можно вывернуть наизнанку, а за голую правду, которая и наизнанку голая. И просьбу больной надо уважить. Вот и уважил с закрытыми глазами.

Адвокатша искренне поохала, что я вполне не допускаю. Но не мешал ей высказывать сочувствие. Далее, оказывается, она, опять это слышала, что была полиция, а мы не были дома. Про «не были дома» она сказала с чуть приметным вопросом, чтобы я подтвердил это оправдательное обстоятельство. Но я сказал то, о чём она должна была знать из книги, что время было ночное, а мой дом – моя крепость. Как у того американского поселенца с бородой и винтовкой, моего любимца. Распрощались, как всегда, дружески.

Адвокатша, хоть и получила мою книгу, играла в утайку, что она слышала. А я ни во что не играл, хоть и получил письмо из канцелярии президента.

Есть такое заведение в кэгэбэ, которое, по задумке чекистов, должно лучиться и светиться благодатью, нисходящей на весь кэгэбэ. И этим волшебством занимаются тщательно подобранные чекистами Золушки. Они могут всё, даже утешительное волшебство. Ведь ни одна настоящая Золушка не выдержит, чтобы не сорваться, отвечая на письма безутешных.

А со мной и того хуже. Не письмами донимал я их, а сво-

ими книгами. А это ещё хуже. Это же надо быть ненормальным в этом кэгэбэ, чтобы читать такое! Ну, уж если только в рабочее время, да за счёт государства. Но ещё и утешать таких, как я?! Даже в утопиях Оруэлла не додумались до такого изуверства. Такое могли придумать только изошрённые чекисты.

И вот оно, утешительное письмо: «Мы отвечаем на твоё обращение к г. Президенту <...> Для твоего удобства присоединяем ответ израильской полиции по делу. Нечего нам добавить, кроме как пожелать тебе всего хорошего». Подпись Золушки. 16.11.2005.

И вот он – присоединённый ответ: «В продолжение к нашему письму (9.1.2005), сообщено нам из следственных органов иерусалимского округа, что из-за жалобы по обсуждаемому вопросу открыто следственное дело, которое в конце концов, закрыто по причине отсутствия вины. Подпись. 2.11.2005».

А через четыре дня, в ночь перед судом, устроили погром возле моей закрытой двери!

А ещё через месяц, 8.12.2005, в мою квартиру вошли двое в полицейской форме. Дочь сказала, что я у жены в больнице. Один остался у двери, чтобы я не сбежал, второй обошёл квартиру, после этого ушли, не прикрыв двери.

Твой ход, товарищ кэгэбэ.

А я, выслушав дочь и переночевав, вернулся к Любимой, чтобы в субботу не была без семьи. Слова эти про семью – поучения сына и его жены. Возразил же я совсем другое: не хочу, чтобы выглядело, что скрываюсь в больнице. Вразумил сын: какое тебе дело, что думают.

Потом слушал Любимую: зачем приехал, зачем мучаюсь, поспал бы дома. После молитвы принёс поднос с субботней едой от больницы для членов семьи больных. На её столике уже был поднос для больных. Кушаем.

– Что с полицией? – спрашивает.

– Заберут в любую минуту, – отвечаю равнодушно специально для неё. Но это не помогает, а по-другому я не умею. В её глазах слёзы.

– Не заберут! – говорит уверенно и плачет.

– Заберут, – нежно успокаиваю её.

– Не заберут! – возражает и ищет глазами от меня поддержки.

Я согласно киваю, что не заберут.

Ночь у неё была тяжёлая, но мне дала спать, утром ей плохо, днём – слабая. Я тёр ей подушечки за пальцами на ступнях. В блаженстве закрыла глаза. Вдруг протягивает руки и показывает поднять её. Придвигаюсь к ней подвести под спину руки, она охватывает мою шею, чтобы легче было поднять, я обнимаю её, тоненькую, её голова у меня на груди, так сидим. Входят врач и сестра, я смотрю им в глаза, и они

уходят. Мы долго не отпускали друг друга...

Взяли меня дома, где я ночевал после субботы у Любимой.

Вернулся с утренней молитвы, ел на ходу и собирался к Любимой. Звонок в дверь. В глазок вижу – полиция. Входят двое: мужчина и женщина. Мужчина уже бывал у меня, балагурит, что же это я не являюсь в суд, называет меня праведником, налаживает дружескую атмосферу.

Еврей всегда обязан наладить связь с другим евреем. Даже перед расстрелом другого.

Женщина просит мой паспорт. Даю. Прошу постановление о задержании – нет его у них. Мужчина говорит со смехом, что «там» есть, и машет «туда» рукой.

Присаживаюсь в кухне и быстро бормочу благословение на хлеб. Ждут. Мужчина проверяет меня, заглядывает на кухонный стол, на нём хлебная доска, нож и ломти хлеба.

Говорю, что сам не пойду, пусть наденут наручники, протягиваю руки. Мужчина неохотно защёлкивает их. Дочери говорю позвонить сыну.

Выходим. От подъезда поворачиваю в сторону короткого пути к стоянке машин, но вижу, по другую сторону от подъезда, стоят трое мужчин. Меняю направление в их сторону ради нескольких этих строчек. У них на руках малытки: это время, когда отцы разносят детей по садикам, а сами спешат на учёбу. Но вот задержались, завидев полицию, знают к кому, интересно, собрались в кучку, ждали, что будет. И вот прохожу возле них, поднимаю руки, показываю наручники,

улыбаюсь. Радость так и прёт из меня – первый раз в жизни наручники! Даст Б-г, не последний раз! Ни взгляда поддержки, ни приветственного взмаха рукой, ни доброго слова. Ведь это полицейские, которых они хаю за глаза! Ну, хотя бы неопасное «доброе утро». Или интереснее смотреть на идущих за мной полицейских, которые, наверное, стыдливо воротятся?

Посудачат и разойдутся.

Женщина ведёт полицейскую машину, мужчина возле меня, хочет поговорить со мной за Тору. Отнекиваюсь, я человек маленький. Но он не отстаёт. Я говорю, что мне сейчас не до этого, думаю о жене, детях, внуках. И ещё сказал: «Вы обслуживаете кэгэбэ, вы выполнили задание, будьте довольны и спокойны».

Привозят на «Русское подворье». Как обычно, по команде или сам – сижу, стою, хожу.

Ведут в здание суда рядом. Перед судебной комнатой женщина называет мне своё имя – это адвокатша, которая звонила. С ней ещё одна женщина – они моя «защита». Адвокатша говорит, что я проигрываю из-за своего поведения, но она может помочь. Я отказываюсь. Советует мне отвечать на вопросы суда. Отказываюсь. Предупреждает, что меня задержат надолго. Соглашаюсь.

Входим в судебную комнату. Я у входа на лавке, напротив возвышения судьи. Внутрь от возвышения, справа – две женщины защиты, слева – две молодухи прокуратуры. Вхо-

дит судья.

Женщины защиты выглядят советскими, хотят икорки из распределителя для правящих. Молодухи прокуратуры тоже выглядят советскими, хотят принадлежать к правящим. За их возрастом скрывают, что суд кэгэбэ, и всякую глупость тоже спишут на их молодость.

Судья выглядит вельможной райкомовской матроной долгого застойного периода перед обвалом.

Я тоже выгляжу, и там, и здесь, как в лапах кэгэбэ. Это особое выражение лица, да, пожалуй, и тела, а возможно, и тени. Знающий понаслышке о лапах кэгэбэ и видящий не понаслышке того, кто в лапах кэгэбэ, ошибается, что у него другое выражение лица. В кэгэбэ одно выражение на всех.

Закрываю глаза, снимаю очки...

...«Товарищ Бабель, что вы хотите сказать по делу?» – спросил судья. На суд я опоздал. Представители общественности института, в котором я работал, уже были в зале. Я поднимался по лестнице какого-то старинного особняка, в котором был суд, и видел, что они совещались на лестничной площадке – судья и прокурорша, они не предполагали о такой встрече и внимательно изучали меня. Наверное, обсуждали формулировочку моего увольнения. А я дурак, и знаю, и видел, а ответил, что не виновен...

Вдруг услышал рядом с моим лицом обращение ко мне справа от защиты: «Михаэль!» и слева от прокуратуры: «господин!».

Но больше не обращались и я ничего не слышал.

Если долго сидеть с закрытыми глазами, то потом как будто просыпаешься. Про очки забыл. Сонными глазами увидел в светлом пятне окна силуэт судьи. Наверное, ей интересно смотреть на меня – такое не каждый день. Разглядел паспорт возле себя на лавке, нащупал его забрать. Напяливал очки, долго устраивал их к глазам. Медленно поднимался, опираясь на лавку. Ничего интересного – смех и только.

В коридоре тоже смех – стоял с «защитой».

Адвокатша поинтересовалась, что же я слышал.

Ничего не слышал.

Её подруга сказала, что будет психиатр.

Не пойду, хорохорился я и не показывал виду, что страшно испугался, на какую высоту меня заносит. Ведь если так пойдёт, то окажусь ближневосточным узником совести. И буду в одном ряду со знаменитым дальневосточным узником совести, который приезжает сюда, а меня пошлют туда.

Ещё сказала, что они приведут сами, и спросила, были ли у меня психиатрические проверки раньше. Ответил, что в том кэгэбэ у меня такого не было, а этот кэгэбэ более изощрённый.

Вдруг дёрнулся, как сумасшедший: «Так я могу бежать к жене!» «Защита» согласно закивала. И я полетел по лестнице вниз к Любимой. Показывал неплохую спортивную подготовку и что коленки не дрожат.

В автобусе – на привычное заднее место оценить ход то-

варища кэгэбэ.

Протокол

Защита: Есть проблема, что обвиняемый не соучаствует с нами, он декларирует ясно, что он не заинтересован в представительстве, вопреки тому, что объяснено ему не раз, что можно сегодня закрыть дело, а без соучастия с его стороны это дело проблемное.

Предпочтительно, что обвиняемый объяснит суду, что он хочет, а если не будет выбора, попрошу освободить меня от представительства, не могу действовать против ясно выраженного желания.

Суд: Обвиняемый закрывает глаза и не отвечает на обращение к нему по имени.

Прокуратура: Я не знаю, полезно освобождение от представительства, отсрочка не на пользу, мы просим не отсрочить «дело».

Суд объясняет обвиняемому отказаться от послания суду написанных материалов.

Защита: Я уверена, что есть проблема более того. Может быть, есть необходимость в психиатрической проверке и проверить, какое душевное состояние обвиняемого.

Суд: На вопрос суда: есть ли у обвиняемого отклик по делу рекомендации специалиста, обвиняемый закрывает глаза, не реагирует, не отвечает на вопрос.

Решение

Приглашается областной психиатр приготовить рекомен-

дацию специалиста относительно обвиняемого. <...> Заседание назначается на 17.1.2006 в 13:30. Дано сегодня 11.12.2005 в присутствии сторон. *Судья* <>.

(Так!)

Первая оценка:

Дело закрыто из-за отсутствия вины, устраивают погром у закрытой двери невиновного, продолжают судить невиновного, подключают защиту, на которую невиновный не давал согласия. И защита приглашает психиатра к невиновному.

Твой ход, товарищ... э-э... минуточку.

А чего это вдруг Могилевский Евгений фикстулит передо мной на велосипеде в районе тесных улочек, где никакого транспорта, даже трёхколёсного для малолеток? Выезжает из боковой улочки с крутым поворотом в мою сторону. И на транспорте не по возрасту, и тяжёл сам, и трудно держит равновесие, а уже здороваётся кивком головы. Значит, знал, кто за поворотом! Вот я не знал, кто за углом, поэтому ничего не соображаю. Только когда он кивнул, тогда-то и понял, что за встреча. И только смог вслед ему хохотнуть специально громко, не оборачиваясь.

Демонстрация благополучия?

Подготовка ко второму покушению?

Подставка под руку, которая чешется?

И ещё сто вариантов.

У меня вариант один – писать.

Твой ход, товарищ кэгэбэ.

Рассказ 8

Позвонил человек и сказал, что праведник из Европы прислал мне две тысячи шекелей, предложил встретиться и получить. Сказал ему, что деньги не возьму. Он настаивал, а я выключил телефон. Тогда он пришёл шумно, говорил громко о праведнике из Европы, впихнул в меня конверт с деньгами и ушёл. Месяц торчал конверт между папками сбоку от компьютера. Мы к нему не притрагивались. Пустил эти деньги на выпуск книг. И Амиэль, который прислал, и Авив, который передал, испарились. Успел ухватить их телефон. Чтобы всю жизнь помнить.

Учил Учитель: «Помни добро, которое кто-то тебе сделал когда-то. Совсем маленькое. А теперь не может: состарился или обеднел. Всю жизнь помни».

Три рава, каждый в отдельности, позвонили мне. У них есть организация помощи попавшим в беду. Один из них знает меня и поведал, что им удалось кое-кому помочь.

Я не обрадовался, потому что не считаю, что попал в беду. Поэтому и в помощи не нуждаюсь. Но не люблю обижать людей. Не отверг предложение встретиться, а предложил им сначала прочесть, о чём пишу, чтобы знать обо мне. Передал им три комплекта книг и очень надеялся, что после прочитанного, они оставят меня. Надежда имела основание: в двух магазинах, которые действуют под наблюдением рабаним, не

принимают к продаже мою трилогию. Надежда превзошла мои ожидания. Даже не позвонили.

Но, а как с «евреем в беде»? Но, а как знаменитое: «не обещай понапрасну»?

Учил Учитель: «Не обещай, а сделай».

Однажды я пожаловался Учителю на нескольких рабаним, что оставили еврея в беде, в которой уже нельзя было помочь, она разрослась в горе. Жалоба была не пустая – это был вопрос о том, как мы сегодня живём. Учитель смотрел на меня серьёзно. Он очень сожалел, что я не обратился к нему. А я не мог себе этого позволить из-за его здоровья. Учитель заверил меня, что он сделал бы то, что не сделали эти рабаним.

Одной болезнью, которую Учитель знал давно, показалось, что есть жених и для неё. Попросил Учителя благословить её. Он был плох, проводил уроки дома. Учитель поднялся со стула. Ученики уставились на него. И с дрожью в теле и голосе и со слезами в глазах сказал: «Я был счастлив, когда недавно моя внучка вышла замуж. А сегодня – счастлив больше».

Легко сказать: бояться Б-га. В моей жизни знаю лишь одного Учителя, который боялся только Б-га.

Ни одной демонстрации не запретил. Требовал одно: не задиаться с полицией.

Передал мне слова, сказанные ему тоже большим равом: «Эти могут всё – даже такое, чего ты не можешь себе пред-

ставить».

Когда Учителя не стало, нашлась сразу вдруг (не вдруг!) в моих бумагах его старая записка на листке из тетради в клетку: «Дорогой Миша! Я скоро приду. Зильбер». Приклеил её за стеклом дверцы книжного шкафа. Любимая сразу увидела. Испугалась. «Как придёт?» – тихо спросила. Чтобы не пугать её, приклеил к компьютеру. Навсегда – перед глазами. Много проплакал, глядя на дорогой корявый почерк, а слёзы всё те же – горькие.

Твой ход, товарищ кэгэбэ.

Рассказ 9

Первой отказалась со мной работать машинистка, которую попросил отпечатать на иврите письмо-листовку "Советским диктаторам".

Машинистка сказала, что такое печатать не будет.

Давно это было, тогда печатали на машинках.

Последним отказался Йёэль, этот редактор моего иврита, жил недалеко от Стены плача. По этой причине я всегда спешил к нему, даже если и не опаздывал, – ноги сами несут ближе к святости. Раз он спросил, почему я не опаздываю, тогда у меня не было этого ответа о святости, так брякнул что-то о своей пунктуальности.

Сидел он четыре раза, самая долгая его отсидка была два с половиной года. Русского не знает, но идеальный для моего

иврита редактор – понимает с полуслова, что я хотел сказать.

Работать с ним одно удовольствие. Он правит мой текст, поясняет исправления, которые я сразу же забываю. Иногда, по ходу текста, вспоминает из случившегося с ним, с улыбкой, со смехом.

– Откуда у тебя эти параллели, похожести? – спросил уже после относительно долгого литературного знакомства.

Ответил:

– У приехавшего из того кэгэбэ есть потрясающе интересный опыт узнавать его, как бы он ни ховался.

Однажды попросил его проверить сделанную давно книгу "Прощай, Израиль... или Последняя утопия" о завозе неевреев и о нееврейском государстве.

Мы работали всегда вместе, и я видел, как с каждой страницей, его лицо становилось задумчивее. А он, всегда балагуривший во время работы, читал внимательнее, чем обычно, и молчал. Книга небольшая и уже проверенная ранее, поэтому закончили в несколько моих приходов.

Закончив, он сидел задумавшись. Я не мешал ему. Глядя не на меня, а в окно, которое всегда было перед нами, он сказал:

– А я думал, что каждый приехал со своими проблемами, которые постепенно утрясутся.

Мне нечего было добавить к прочитанной им книге и я молчал.

– Пока мы говорили о кэгэбэ, я был с тобой, но книга

"Прощай, Израиль" о нееврейском государстве – я не с тобой.

Я ответил, что это государство фальшивое, все в нём обман и все обмануты.

Он, как и все, хотел быть обманутым, только не расстаться с мечтой. Этого я не сказал.

И я запел:

– Е-ру-ша-лаим зо-ло-той...

Самую популярную из всех песен государства, блистательной Наоми.

Пел, пародируя, с фальшивым упоением. Кто знает о двух кэгэбэ, тот понимает такое исполнение. Но он сомневался об этом кэгэбэ, а о том кэгэбэ только слышал, и без опыта двух кэгэбэ не понял моего смеха.

Он впервые смотрел на меня зло – увидел надругательство над дорогим для еврейского сердца.

Я этого не ожидал. Я растерялся. Надо было, для его успокоения, пародировать любую бездарную песню о Москве из арсенала тамошнего кэгэбэ, но кто не понимает, что "Ерушалаим золотой" тоже из арсенала кэгэбэ – гасить всякие сомнения о кэгэбэ, того не успокоить.

Оказалось, что я начал шутку, не видя её конца.

Шутка не получилась. И я ушёл огорчённый и виноватый.

А потом удачно подоспела его поездка за границу, потом переезд на другую квартиру, потом занятость из-за переезда. Всё это время отвечала на мои звонки только его жена, кото-

рую я встретил в городе через полгода, и мы раскланялись.

Ещё через полтора месяца она вошла в автобус и присела впереди меня на пару рядов.

Пронеслась мысль, что вот пропал этот текст, который уже был написан. Значит, не было сожаления, что последний редактор моего иврита не возвращается ко мне.

Уныло думал, что сейчас подойду к ней, она помнит меня, да и недавно раскланивались, скажу ей, что, если у её супруга есть время для меня, то пусть позвонит мне об этом. И тогда текст пропал.

Я встал с сиденья, приблизился к ней, наклонился к её лицу, поздоровался и сказал то, что уныло думал.

Как меня звать, спросила она. Я назвался и вернулся на своё место.

Подумал, что если бы сидел тихо, то сохранился бы текст. Текст сохранился.

...А из глаз смертельно больной Наоми смотрела обманувшаяся душа.

Она-то понимала.

Одна из немногих.

Сказала, что если только раз победят арабы, нацисты покажутся ангелами...

Твой ход, товарищ... э-э... минуточку.

А чего это вдруг я?.. Несусь себе по Яффо. У «ведущего» меня переполох – постоянный из-за моей скорости. Вот и угол с неширокой Хавацелет. И вдруг встал. И чего встал?

Только людям мешаю переходить. Задумался. Ну и о чём? Посмотрел внутрь Хавацелет... а по другой стороне Валера Коренблит спешит к противоположному углу, на котором мы и встретились бы, если бы я перешёл. Опаздывает, но не бежит, нельзя бежать, смешно машет руками и ногами изо всех сил. Смотрит только под ноги, как велено, после моей здоровой критики. А как одет! Ну, цветной петух! Какая была великолепная задумка у чекистов! Потерял несколько интереснейших строк для книги! Ай-ай! И чего это вдруг встал? Или Всевышний спас?

Твой ход, товарищ кэгэбэ.

Рассказ 10

Письмо получил 27.12.2005 в почтовом ящике по адресу проживания:

«Отдел областного психиатра, ул. Яффо 86. Психиатрическая проверка с целью дачи заключения для суда.

По решению суда № 004726/04 вы приглашены на психиатрическую проверку с целью дачи рекомендации.

Проверка состоится 2.1.2006 в 9 часов в нашем отделе на ул. Яффо 86.

Принести с собой паспорт.

Также принести на проверку любую медицинскую справку, которая находится у вас, или другие справки, имеющие непосредственное отношение к делу.

Прибыть вовремя.

Д-р <> Областной психиатр, Иерусалим.

Копия: судье <>, № 004726/04 с помощью секретариата по уголовным делам, Мировой суд, Иерусалим».

(Так!)

По решению суда меня задерживают не более чем за 24 часа, а потом доставляют на психиатрическую проверку.

Поэтому к 9:00 утра 1.1.2006 я был готов: помолился, поел, в карманах оставил самую малость необходимого. И сел за компьютер.

Как хотелось зажечь вечером последнюю ханукальную свечу! После зажигания хотелось сесть за праздничный семейный стол. Потом хотелось спать не в задержании.

Поздним вечером в 11:00 опустил все трисы, оставил гореть одну лампу возле компьютера. Решил, что дверь не открою. Утром молился рано, поел хлеба, вернул в карманы вынутое накануне и в полной готовности сел за компьютер. Прошёл час, наступило время психиатрической проверки. Прошёл ещё час, потом ещё, и ещё.

Около двенадцати дня раздался телефонный звонок. Я не знаю, кто звонит, а он знает, с кем говорит. Поэтому спрашивает кротко:

– Почему вы не пришли на проверку?

Теперь моя очередь. Встречная проверка на его коммуни- кабельность:

– Я не пришёл? – кротко удивился, – это, наверное, меня

не доставили. – И тоже коротко спросил: – А кто вы будете?

– Доктор <>, – он представился по фамилии и дружески продолжил: – Нам поручено провести проверку. – Он избежал слова «суд», который поручил это, и не назвал проверку «психиатрической», чтобы не пугать.

– Очень приятно! – выразился я дружески и представился: – Михаэль.

Доктор молчал.

Теперь проверка на сообразительность:

– По решению суда, – объяснил деликатно, не упрекая, не пугаясь слов, – вы назначаете дату психиатрической проверки и сообщаете её суду. А суд постановил уже доставить меня.

Доктор молчал. Пока перед ним было два объекта – он и я – в них он ориентировался, но когда прибавился третий объект – суд, запутался в трёх соснах. Но он не виноват, что скрыли от него о неповиновении суду, чтобы крамольная зараза неповиновения не распространялась даже на психиатров.

А далее проверка на интеллигентность:

– Я не участвую в суде, молчу с закрытыми глазами. Поэтому меня доставляют туда. Когда доставят к вам, то и у вас не буду участвовать, – говорю с сожалением и виной в голосе, – но это не из-за неуважения к вам, вы не виноваты. Виноват только я – не признаю суд кэгэбэ...

Доктор молчал.

И последняя проверка – на юмор:

– А вот который прислал приглашение, – спрашиваю, – его фамилия Фляйн?

– Его фамилия Фальян, – глухо ответила трубка.

– Тогда получается созвучное «тальян» («палач» на иврите)! – и я коротко и призывно хохотнул.

Доктор не поддержал здоровый юмор.

Проверка закончилась.

Долго я смеялся потом, так долго, что совсем забыл, как распрощались.

И начал ждать.

Через неделю, 8.1.2006, вечером ко мне постучали.

Полиция. Вошли двое: мужчина с бумажками и женщина с пушкой, и приклад в боевой готовности. Без лишних слов спросил, будут ли брать. Объявили о психиатрической проверке завтра в десять утра. Успела приковылять любимая, не слышала и не поняла, что происходит. Остановил её, иначе встала бы между мной и полицией. Спросили, буду ли утром дома. Сказал, что буду. Мужчина вышел на лестницу, долго звонил, вернулся и сказал, что завтра утром они придут за мной. Я предложил в девять. И они ушли.

Пришли точно в девять. Я не предложил сесть, они стояли у двери и ждали меня. Приковыляла Любимая, присела. Когда кончил собираться, протянул к полиции руки. Они были готовы к такому повороту. Мужчина улыбался безрадостно. Женщина, с сожалением на лице, неохотно защёлкивала

наручники со словами, что она не хочет это делать, и пару раз спросила, не жмёт ли. Любимая заревела без остановки, пряча лицо в руках. Мужчина пошёл вперёд и я за ним, а женщина успокаивала Любимую, что вернут меня через три часа.

Утро пасмурное, серое. Обычные утренние пробки, машина продвигается медленно. Дорога длинная...

Рисовать хотелось живое.

Как вчера, когда эти ушли.

Молча сидели двое

Возле тёмного окна.

Смотрели друг на друга.

Видели, что с ними стало.

Сравнивали с тем, что было.

Хотели сказать главное.

Но не знали, как сказать главное.

Отводили глаза к тёмному окну.

Окно давало передышку.

Но не озарение, как сказать главное.

Одна мысль сверлила:

Как они бездарно прожили между собой!

И почувствовали спасительное продолжение –

Тяжесть расставания.

Сладкую его горечь.

И обошлось без слов.

От окна возвращали глаза, полные слёз.

И смотрели в глаза напротив, полные слёз.

И опять отводили к тёмному окну...

Стук в окно машины. Она стоит в пробке у большого перекрёстка. За окном знакомый – Шмариягу с моей улицы. Он наклоняется к окну, хочет говорить со мной. Полицейский охотно открывает окно. Знакомый спрашивает, нужно ли сообщить кому-то. Благодарю его. Знакомый уходит, пробираясь между машинами. «Вот это уровень! – думаю благодарно. – Поступил бы я так с ним?»

Психиатр принял точно в десять. Сидел за столом, нервничал после устроенной мною недавней проверки. Его руки дёргались над раскрытым блокнотом, одна – свободная, вторая – с ручкой, готовая писать. Выше не смотрел, чтобы не перегружать себя карательным образом, который будет всплывать, когда не надо.

В двери сказал полицейскому, что если снимут наручники, то я уйду отсюда. Он передал мои слова психиатру. Руки его снова задёргались над блокнотом, и он что-то промычал.

Полицейский показал мне на стул. Я молча стоял. Психиатр предложил сесть, потом предложил отвечать, потом предложил отвечать письменно, потом беспомощно заявил полицейскому, что так он продолжать не может. Полицейский спросил, есть ли другие виды проверки? Психиатр развёл руками. Полицейские и я вышли в коридор.

В отделении областного психиатра беготня. И вот подходят к нам проверенный мной психиатр и ещё не проверен-

ный мной его начальник с развёрнутым моим делом, и начинает приветственную речь. Проверяю время по телефону. Любезно не затянутые наручники позволяют. На табло – 10:15.

Приветственная речь проходит в уважительной тишине.

Второй дополняет: «Вас положат в больницу!»

Не министерство здоровья – сумасшедший дом карательной медицины.

Происходит суматоха. В кабинетах звонят телефоны. Полицейская куда-то исчезла. Со мной в коридоре полицейский. Долго молчим. Наконец появляется полицейская, которая обещала моей любимой вернуть меня. Полицейские говорят между собой. Долетают слова мужчины: «Тут написано, что после проверки вернуть». И трясёт бумагами, которые в его руке. Подзывает меня, держит ключ от наручников, освобождает руки и желает мне всего хорошего.

Сегодня они вытащили меня из лап карательной медицины. Могли и оставить. Им это запишется.

Я желаю им хорошего дня. Говорю, что побежал на рынок, и убежал на рынок, который в двух шагах.

Всё к лучшему, как сказали еврейские мудрецы. К списку кэгэбэшных адресов для рассылки этой книги прибавились ещё два – карательная медицина и карательная психиатрия.

Как посмел забыть о них?!

Ведь не забыл карательную прокуратуру, карательный суд, карательную «защиту» и всю карательную систему, которая

хочет впрыснуть маленький укольчик писателю, чтобы не писал обо всех этих гадостях.

9.1.2006

Разослал первую часть книги по адресам кэгэбэ.

Твой ход, товарищ кэгэбэ.

Рассказ 11

Из отдела областного психиатра министерства здоровья на Яффо 86, как и обещал полицейским, спасшим от меня дрожащего психиатра, пошёл на рынок купить что-нибудь вкусненькое – успокоить Любимую, мол, была приятная поездка с полицией до рынка.

А оттуда прошёл к Яффо 157, к отделу пищи того же министерства здоровья.

Двадцать лет подавал проекты заводов моих клиентов, всё было тихо, а тут вдруг пришло письмо от специалистки, раньше её не примечал, что не принимает мой проект маленького завода для бедного еврея. Даже не поговорив со мной один раз. Да и письмо какое-то странное – пахнет протоколом.

Двадцать лет не было писем, бывали иногда телефонные звонки зайти что-нибудь исправить, чтобы было видно, что чиновник работает. Ведь всегда можно что-то исправить.

С трудом добился встречи. Хотел что-то исправить, что просят. Мне это ничего не стоит: с моим опытом, если только

у завода есть форточка, у меня грузовики пройдут в двух направлениях.

А она – я так не умею, мне, любителю юмора, интересно, как так получается, что только черкнул линию на бумажке – это немедленно легло протоколом в дело о заводе для бедного еврея. Как в полиции у следователя с предупреждением.

Вышел от неё, тут же следом за мной вышло её второе письмо, то есть протокол про линию, которую черкнул на бумажке, и копия... правильно, в дело.

Не пил, не ел, не спал, но рано утром на её столе уже лежал шикарный эскиз исправлений. Я ещё не добрался до постели отоспаться, как добрался до меня третий протокол, а копия... ну, конечно. И его смысл – чтобы больше не совался.

А для его усиления ещё два имени – сотрудницы и начальника.

Значит, «дело» сделано.

Насчёт «специалистки» я понял не сразу, растянул такое удовольствие.

Страшный был адрес того кэгэбэ: «Россия, Москва, Лубянка».

Не менее страшен адрес: «Израиль». А далее – «езде».

Вот такой пустячок, в котором хуже всех бедному еврею, который вложил в заводик и попал под колёса кэгэбэ.

Расцветшей Европе не было так хорошо от вложенного на её восстановление после войны всего только одного «Плана Маршалла», как худо было от двадцати таких планов, вло-

женных в джунгли кэгэбэ, в которые попали евреи.

Твой ход, товарищ кэгэбэ.

Рассказ 12

Только закончил предыдущий рассказ книги, как начал новый – отправился в тот же отдел, но уже к другой специалистке, её тоже не примечал раньше, но именно ей надо было подать новый проект.

В руках эскиз для предварительного разговора. Ведь у каждого чиновника свой вкус, отличный от других и моего. И если предварительно не учесть это, придётся проделать двойную работу.

Рядом со мной другой мой клиент, взволнованный каждым шагом к первому миллиону.

Выкладываю перед ней эскиз. Она моментально швыряет его мне обратно. Лицо её становится красным, глаза злыми, кричит визгливо, что по такому эскизу не будет говорить со мной.

Спиной к нам сидит "специалистка" из предыдущего рассказа, а в этом рассказе – только её спина расслаблена в наслаждении от происходящего за ней.

Мой клиент – первые признаки сожаления, что связался со мной.

Объясняю ей, что для начального разговора эскиз вполне достаточный.

Красная, злая, кричащая хватает его и бежит – больше некуда, как к начальнику. Очень скоро зовёт к нему. Вхожу к начальнику. Рядом со мной – клиент, в страхе за первый миллион. Начальник трясёт эскизом и кричит, что он такое не позволит. Говорю ему, что буду жаловаться. Тогда он идёт на меня и выпирает из кабинета. Клиент рядом – вид потрепавшего миллион из-за меня.

Насчёт и этой «специалистки» тоже понял не сразу, растянул такое удовольствие.

Двадцать лет ждать такое – не самый большой срок для серьёзного исследования. А что оно серьёзное – говорит факт покушения на меня.

Например, в другом, не в моём исследовании, есть комета, которая в десять тысяч лет один раз проскакивает возле нас. Это только выкладки на бумаге, но не прямое доказательство. В прошлый раз, пять тысяч лет тому назад – кто её видел? Вот когда в следующий раз, через пять тысяч лет, её увидят – вот тогда только будет прямое доказательство.

Так и в моём исследовании вывод, что те же люди и те же собачьи взаимоотношения между ними, которые проявляются в кэгэбэ, – не выкладка на бумаге, а прямое доказательство о кэгэбэ, увиденное не раз, а двадцать раз по двадцать.

Ещё доказательство о кэгэбэ даже без доказательств об убийствах!

С помощью пустячка: люди и их собачьи взаимоотноше-

ния – самая лучшая характеристика места их проживания. В таком месте они убивают или с их помощью убивают, что одно и то же.

Кэгэбэ убивает тайно от имени государства.

Тайно – чтобы люди жили счастливо и без страха.

Такая человеческая забота о людях.

В том нечеловечном кэгэбэ не заботились о людях.

Поэтому все знали, что убивают.

А в этом человеческом кэгэбэ не только не верят в убийства, но ещё и не знают, хотя после каждого убийства остаются "концы", которые торчат, как бы умело их не прятали.

Тысячи торчащих концов никому ничего не говорят?

Концы от убийств великих евреев, неугодных лидеров, знающих слишком много.

Бесконечный список.

Весь мир осудил не человеческий кэгэбэ там.

А здесь не осуждают человеческий кэгэбэ этот.

Здесь – воспитанные в страхе двух кэгэбэ.

Поэтому здесь предпочитают не знать.

Иначе трудно себя уважать, если знать, но молчать.

А в кэгэбэ надо молчать.

Это все понимают.

Поэтому лучше не знать.

Такой пустячок.

Разослал по адресам кэгэбэ, чтобы не говорили потом, что не знали, что живут в кэгэбэ.

Как товарищ Вильнер, который всегда оправдывался, что его не информировали о проделках большевиков.

Сам был такой.

Твой ход, товарищ кэгэбэ.

Рассказ 13

В ночь перед судом, который назначен на 17.1.2006, звонок в дверь.

Я у компьютера. Совсем забыл об этом мире. За первым звонком немедленно второй продолжительный. Ноги опережают моё решение: немедленно открыть дверь, дать спать Любимой, её сон важнее любого моего геройства, успеть открыть до третьего звонка.

На лестничной площадке передо мной двое в форме. Не впускаю их, разговариваем. Спрашиваю:

– Зачем так рано, ведь суд днём?

– Приказано, – отвечает старший по возрасту.

А младший зачитывает записку, в которой им велено брать меня в 6:00 утра. Беру из его рук записку, разглядываю.

Старший доволен, что так славненько всё обошлось, жмёт мне руку. А я жму младшему. Уходят.

Укольчик? Больничка? Дорожная катастрофа? Сколько там ещё в арсенале кэгэбэ!

Спать осталось самая малость.

Рано утром, до их прихода, чуть приоткрыл дверь, чтобы не звонили. Любимая спала, узнает потом. Щемило от потрясения, которое ей предстояло. Но лучшего придумать не мог.

Всё было обычное: задержание и доставка меня, содержание до суда в разных участках полиции, а потом поездка в предбанник суда в пятидесяти метрах от полиции. Обязательно в компании с арабами, их много, ни одна поездка без них не обходится.

В предбаннике дожидаются суда. В нём две маленькие комнаты, в каждой вдоль стен узкий невысокий каменный выступ от пола, на который поднимаются стреноженные, чтобы вертухаю было удобно снять наножики. На этих же выступах и сидят, но всем не хватает места, когда набивается много народу. Двери комнат выходят в малюсенький коридор, в котором можно только поворачиваться, но не ходить.

Сначала был в комнате со щелью в двери, потом меня переводят в комнату, дверь которой в верхней части решётка из толстых прутьев. А двух арабов, что были в ней, переводят в оставленную мной комнату, в которой теперь их много, а я один. Читаю псалмы по своей карманной книжке. Вдруг вижу, за решёткой стоит «моя защита», смотрят на меня. Одна половина «защиты», известная мне по имени, представилась, а её подруга спрашивает:

– Ну, и хорошо тебе в предварительном заключении?

– Не желаю с вами разговаривать, – ответил и отвернулся,

ушёл в дальний угол, стоял к ним спиной, читал псалмы. Они бесшумно испарились.

Потом был суд с закрытыми глазами, получил протокол, меня вернули в предбанник, там его и читал.

Протокол

Суд: Обвиняемый закрывает глаза при входе в суд.

Защита: Отсутствие соучастия продолжается, так же и утром, когда навестили обвиняемого, он отказался говорить с нами. В таком случае, когда мы не знаем версии обвиняемого об обвинении, мы не можем согласиться с рекомендацией психиатра. Если суд решит осуществить рекомендацию психиатра, то не делать это с условиями госпитализации.

Суд: На вопрос суда, если есть у него мнение, обвиняемый не отвечает.

Решение

Так как обвиняемый не соучаствует, рекомендовал заместитель областного психиатра дать постановление о наблюдении в рамках психиатрического отдела с целью завершения рекомендации. Обвиняемый не соучаствует с судом и с защитой и не выражает мнения в этом деле и в других делах. Мне видится, что надо принять рекомендацию специалиста с целью выяснить состояние обвиняемого, потому что не ведётся суд таким образом, когда обвиняемый ничего не говорит, так же и его представитель. Поэтому, я указываю, чтобы обвиняемый находился под наблюдением в психиатрическом отделе с целью дачи рекомендации. Поскольку из опыта

нет другой возможности обещать его присутствие, останется обвиняемый в заключении до завтра, 18.1.06, самое позднее в 11:00, и будет переведён с помощью сил сопровождения в психиатрическую больницу с целью наблюдения. Прокуратура объявит суду и силам сопровождения, после того как выяснит это с доктором <>, в какую больницу надо доставить обвиняемого. Назначается продолжить заседание 21.2.06 в 13:00. Секретариат переправит копию этого протокола областному психиатру. Дано сегодня 17.1.2006 в присутствии сторон. Судья <>.

(Так!)

В предбаннике меня продержали до его закрытия, вывели последним и отправили в камеру. Снова машина, потом коридоры. Завели в камеру, первую по дороге. А в ней ещё двое. Было время конца ужина. Мы начали кричать, что ещё не ели. Повели в столовую.

После ужина собрался в столовой миньян, попросились в синагогу. Люди вошли, и их закрыли на ключ. Молитва не кончилась, вошёл один вертухай и громко торопил закончить её. Бритую голову вобрал в плечи, натянул на неё полицейскую куртку. Так делают евреи без кипы, уважая святость места. Но сейчас было бы смешно, если бы не его неприятные глаза. Встречал его и раньше, но не мог понять, что в них неприятно. Он торопил и меня, тянул сзади за куртку. Я оглянулся, а он смотрел на меня своими страшными глазами. Говорился кадиш, и я противился вытолкать меня из сина-

гоги, не хотел, чтобы распался миньян. Еврей, который как-то прикрывает голову, обязательно говорит «амен» и другим не мешает сказать, а этот только дёргал меня. Потом молившихся повели по камерам, а он что-то угрожающее проворчал мне и стрельнул отвратительными глазами.

Я ещё раньше обратил внимание, не пугает ли яркая белизна глазных белков, как у кафельных плиток. Другой раз рассматривал его голубой зрачок, похожий на колючую звёздочку на погоне. Но и у моей мамы-красавицы голубые зрачки. В ответ он спросил, из какой я камеры. Угрожающий намёк я понял.

Конечно, глаза самое важное, но вместе с жестами, движениями тела и интонацией голоса, и обязательно, чтобы рядом был еврей, – вот тогда видно, что это двуногое, которое работает на уничтожение еврея, – нацист.

Когда дверь за мной и ещё одним сокамерником захлопнулась, увидел необычное. В камерах постели двухэтажные. Нижняя – каменное возвышение над полом – начинается узкой стороной от стены; верхняя – тоже каменная и тоже начинается от стены, а второй конец опирается на две трубы, торчащие из нижней постели.

Третий сокамерник, Аси, сидел на нижней постели спиной к трубе, руки вывернуты за спину и наручниками пристёгнуты к трубе. Измученные тело и голова клонятся к протянутым ногам, подобно лебедям из балета Чайковского, которые, присев, вытягивают одну ножку вперёд, тонкие ручки

отводят за спину и склоняют головку на длинной шейке к коленке, срывая бурные овации.

Аси стонал. Я дал ему высосать вкусной сладкой воды из стакана, приставив к вытянутым губам; второй стакан он так же жадно высосал. Он искал облегчения, клонясь к ногам, но тело тянуло руки, в которые врезались наручники. На одной кисти были два кровавых следа, на другой – два вспухших бугра.

Превозмогая боль, он рассказал, что нацист и ещё трое, взятые им в помощь, скрутили его за то, что он стоял возле синагоги, не успев войти, и хотел вместе с нашим миньяном молиться рядом у двери, и не подчинился, когда нацист потащил его оттуда.

Мы тоже устроили Аси бурную овацию: стучали в дверь и кричали, чтобы его освободили. Пришёл нацист, и ему сказали и показали, что несчастный не разгибается. Нацист ответил, что пусть разогнётся. И ушёл. А мы продолжили стучать в дверь и кричать.

Пришли вертухаи и один из них перестегнул несчастного. Теперь он лежал лицом к трубе, обняв её руками, как родную. Попросил положить одеяло под лицо, чтобы было выше, и закрыл глаза.

Неожиданно пришло избавление: эту камеру от нас освободили и нами уплотнили другую камеру, как обычно, с симпатичными людьми.

С ними читали мой протокол вслух, я комментировал, бы-

ло весело.

Утром рано меня отправили в судебный предбанник. Долго ждал до того часа, когда «будет переведён с помощью сил сопровождения в психиатрическую больницу с целью наблюдения». Потом было далеко после этого часа, и меня вывели из предбанника, стоял возле лестницы в ожидании следующей команды.

А по лестнице величаво спускается подруга «защиты», одна рука выставлена вперёд, держит лист, повёрнутый в мою сторону, на листе несколько рукописных строк – заинтриговать меня. «Михаэль! – обращается ко мне, а я подался от неё, и она уже обращается к спине: – Ты не хочешь говорить со мной?» Несколько шагов от неё и ещё шаг за угол, здесь тоже можно ждать вертухая, они мне доверяют.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.